

— Прошу прощения, в дороге возникли непредвиденные обстоятельства, поэтому расследование сегодняшнего дела придётся ненадолго отложить.

Фукудзава Юкичи говорил со следовавшим на том конце провода инспектором привычным, ровным и невозмутимым тоном.

Тот, будучи давним партнёром Вооружённого детективного агентства, отнёсся к задержке с полным пониманием и лишь между делом поинтересовался причиной.

Окинув взглядом стоявших неподалёку братьев, а затем покосившись на Ранпо, который почему-то сверлил приёмшей откровенно враждебным взглядом, Юкичи спокойно ответил:

— Наткнулись на улице на больных детей. Собираемся отвезти их в больницу.

На том конце провода воцарилось секундное молчание.

Улица, больные дети, больница... Звучит вроде бы обыденно, но почему от этих слов веет такой странностью?

— О... Господин Фукудзава, вы действительно благородный человек. Что ж, не буду вас отвлекать. Наберите, как освободитесь.

— Хорошо.

Положив трубку, Фукудзава повернулся и жестом подозвал юношу:

— Ранпо, подойди.

Эдогава послушно подбежал к директору.

— Как вас зовут? В больнице потребуют заполнить регистрационные карты, — обратился Юкичи к старшему мальчику.

Йокогама, будучи портовым городом с особым статусом концессии, всегда бурлила пёстрой, неуправляемой толпой. Местные жители здесь сосуществовали с иностранцами, бездомные выходцы из трущоб делили улицы с беглыми преступниками, нелегальными эсперами и беженцами со всего света. Для хоть какого-то контроля над этим хаосом муниципальные власти ввели строгую систему регистрации. Любой визит в государственное учреждение, полицию или больницу требовал обязательного удостоверения личности — так правительство пыталось отсеивать нежелательные элементы.

Акихара, баюкавший на руках стремительно остывающего Сатору, поднял глаза и глухо произнёс:

— Годзё. Меня зовут Годзё Акихара, его — Годзё Сатору.

Годзё.

Этот древний род брал своё начало от побочной ветви семьи Такацудзи, происходившей от великого клана Сугавара. И пусть по влиянию он уступал титанам вроде кланов Минамото, Тайра или Фудзивара, всё же принадлежал к высшей аристократии.

Прежде Фукудзаве часто приходилось иметь дело с министрами, высокопоставленными чиновниками и прочими государственными мужами, среди которых благородные фамилии были обычным делом, так что в тонкостях генеалогии он разбирался неплохо.

Лично сталкиваться с представителями клана Годзё ему не доводилось, однако о самом семействе он был наслышан. Неужели эти дети сбежали из столь знатного дома?

Краем глаза Юкичи продолжал изучать необычную пару.

Старший мальчик вблизи казался ещё меньше, чем из окна лавки — на вид ему было от силы года четыре или пять, а младший и вовсе не достиг годовалого возраста.

Щёки младенца горели лихорадочным румянцем. Он пребывал в глубоком, тяжёлом забытии и не реагировал даже на резкие гудки пронесившихся мимо автомобилей. Обморок? Неужели такой кроха потерял сознание?

Осознание того, что дело вовсе не в банальной простуде, а в смертельной опасности, заставило лицо Фукудзавы сделаться ещё суровее. Он решил незамедлительно вызвать скорую помощь.

До ближайшего госпиталя путь лежал неблизкий. Пешком — слишком долго, поймать попутное такси в этом районе — задача ненадёжная, так что вызов экстренной службы оставался самым разумным выходом.

Но стоило директору достать телефон, как из-за угла улицы показались двое.

Один из них — высокий, небрежно причёсанный брюнет в помятом, выдавшем виды медицинском халате и с густой щетиной на лице. Он производил впечатление типичного безработного неудачника средних лет, полностью увязшего в унынии. Рядом с ним семенила маленькая девочка — настоящая фарфоровая кукла с золотистыми локонами и бездонными голубыми глазами, облачённая в изысканное алое платье.

Малышка забавно раздувала щёки, явно капризничая и злясь на своего спутника.

— Ринтаро — самый вредный! Я же сказала, что не надену это!

— Ринтаро — извращенец и дурак!

Крохотные лакированные туфельки девочки то и дело яростно топали по ногам мужчины. Тот, впрочем, даже не думал сердиться. Скорчив умоляющую гримасу, он поспешил улестить капризницу:

— Элис-тян, ну прости меня, пожалуйста! Хочешь, пойдём купим пирожных? Одно? Или сразу два? — Он умильно поднял два пальца, пытаясь сторговаться.

Девочка гордо скрестила руки на груди и капризно вздёрнула носик:

— Пять! Иначе я больше никогда-никогда не буду с тобой разговаривать!

— Спи тогда сам со своими дурацкими платьями!

Лицо бедолаги Ринтаро исказилось от вселенской скорби. Молитвенно сложив ладони, он взмолился:

— Пощади! Без моей милой Элис я просто умру! Ладно, пять так пять, я всё куплю!

Мужчина вздохнул с таким видом, будто покупка пяти пирожных была для него непосильным финансовым бременем, требующим величайшей жертвы.

— Тоже мне, личный врач предводителя Портовой мафии, а прикидывается нищим, — недовольно проворчал себе под нос Ранпо, явно испытывая к странному незнакомцу глубокую антипатию.

Врач?

Уловив это слово, Акихара поднял голову и вперил взгляд в неопрятного брюнета в белом халате.

Мужчина сразу почувствовал на себе этот тяжёлый, не по-детски прямой взор. Он обернулся и одарил мальчика на редкость дружелюбной улыбкой.

— Давненько не виделись, господин Фукудзава, — приветливо произнёс он, шагнув навстречу. Несмотря на внешнюю непринуждённость их общения, в воздухе между ними мгновенно

возникло едва осязаемое, но острое напряжение.

Юкичи никак не ожидал встретить здесь Мори Огая. Лицо директора осталось суровой, непроницаемой маской.

— Давненько.

Поприветствовав Фукудзаву исключительно ради приличия, Мори тут же перевёл взгляд на Эдогаву. Заметив, как тот демонстративно отвернулся, Огай мысленно усмехнулся.

«Какая жалость. Алмаз, который никогда не станет моим»

Слегка сокрушаясь о несбыточном, Мори наконец обратил взор на того, кто интересовал его больше всего — на Акихару. Снова нацепив маску доброжелательного доктора, он мягко произнёс:

— Здравствуй. Меня зовут Мори Огай, я врач.

Огай намётанным глазом оценивал мальчика: покрой его одежды, осанку, едва заметные дорогие аксессуары и детали, напоминавшие фамильные гербы. Умный доктор сразу понял, что перед ним непростой ребёнок. Даже если тот не принадлежал к верхушке аристократии, его семья определённо обладала колоссальным влиянием и богатством.

А завести полезное знакомство лишним никогда не бывает.

Акихара, пристально наблюдавший за ним с самого начала, холодно кивнул в ответ на любезность:

— Годзё Акихара.

Покончив с формальностями, он без обиняков спросил:

— Раз ты врач, скажи: ты можешь помочь моему брату? Я заплачу.

Видя, как мальчик без малейших колебаний обратился к Мори, Юкичи даже не успел вклиниться и предостеречь его. Огай же согласился мгновенно.

— Конечно, почему бы и нет, — сощурился доктор в притворно-мягкой улыбке.

На самом деле он ещё издали приметил, что младенец на руках у старшего серьёзно болен, и назвался врачом с единственной целью — спровоцировать этот вопрос.

Хитрый лис полагал, что перед ним беззащитный, выброшенный на улицу породистый котёнок. Ему и в голову не могло прийти, что судьба свела его с Ужасающим Владыкой Демонов, способным стереть этот мир в порошок.

— Опасения есть, но пока ничего критического. И всё же малышу требуется детальный осмотр. Моя клиника совсем рядом, почему бы нам не пройти туда?

Проведя беглый осмотр Сатору, Мори вполне естественно воспользовался предложением «дополнительной диагностики», чтобы завлечь Акихару, а заодно и компанию Фукудзавы к себе в логово.

После затяжной борьбы вокруг вступления Йосано Акико в Агентство, Юкичи окончательно уяснил: их пути с Мори разошлись навсегда. Огай, преследуя тайные и грязные цели, сознательно примкнул к Портовой мафии в роли личного лекаря босса. Теперь он фактически стал злейшим врагом для Фукудзавы и всего его детективного дела.

Ранпо изо всей силы вцепился в рукав директора, всем видом выражая протест.

«Не пойдём! Ни за что не пойдём к этому типу!»

Однако Фукудзава не мог просто так отпустить Акихару с больным младенцем наедине с этим коварным человеком. Мальчикам грозила смертельная опасность. Директор замялся, взвешивая риски.

Но прежде чем он успел принять решение, в повисшей тишине раздался ровный, холодный детский голос:

— Я пойду с тобой.

Акихара слегка приподнял веки. Ему претила сама необходимость смотреть на кого-то снизу вверх — всю свою прошлую жизнь он привык лишь созерцать склонённые перед ним головы.

Его алые, как свежая кровь, глаза впились в Мори Огая.

— Где твоя лечебница? Веди.

Под этим жутким рубиновым взглядом у Мори внутри шевельнулся первобытный, леденящий страх. Рука доктора дрогнула, пальцы едва не сошлись в призывном жесте, готовые выпустить Элис для мгновенной атаки.

— Вы... — Акихара обернулся к Фукудзаве и Ранпо. Голос его на мгновение дрогнул, в нём промелькнуло замешательство.

Ужасающему Владыке Демонов редко доводилось встречать искреннее сочувствие. Он просто не знал, как реагировать на чужую доброту, и после секундного колебания сухо выдавил:

— Спасибо.

Лицо Фукудзавы осталось бесстрастным, но аура вокруг него заметно смягчилась. Ранпо же недовольно надулся, однако не удержался от косого взгляда на Акихару и буркнул:

— Мы работаем в Вооружённом детективном агентстве. Если понадобятся наши услуги — приходи, так и быть, поможем.

Юкичи молча протянул мальчику аккуратную визитку.

— Договорились, — Акихара спрятал карточку и двинулся вслед за Мори.

Мори покосился на маленького путника, который, будучи сам от силы пятилетним ребёнком, уверенно и бережно нёс довольно упитанного младенца.

— Давай я помогу тебе с ношей? — вежливо предложил он.

— Не нужно, — отрезал Акихара.

Доверять этому человеку он не собирался.

Столь упрямая настороженность лишь подстегнула любопытство доктора. Слегка сощурившись, он дружелюбно пропел:

— Кстати, я совсем забыл представить тебе свою очаровательную спутницу. Это моя дочь, Элис. Элис-тян, поздоровайся с братиком.

Златовласая кукла подбежала к Акихаре, на её личике заиграла безупречная, сияющая улыбка. Но стоило ей открыть рот, как мальчик окинул её холодным, равнодушным взглядом, каким обычно смотрят на придорожный булыжник.

— Ты не человек.

И как такое существо могло иметь родственные связи со смертным?